

УДК 8.11.512.145

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПАРЕМИЙ В СВЕТЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Ф.Ф. Гилемшин

Аннотация

В статье рассматривается понятие «языковая картина мира», которое связано с изучением роли человеческого фактора в языке. Приводятся примеры интерпретаций некоторых паремиологических конструкций татарского языка, являющихся одним из способов выражения языковой картины мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, паремиологические конструкции, метафорические выражения, интерпретация.

Как известно, в последние годы усилились связи лингвистики с антропологией, психологией, философией, культурологией и другими науками, что привело к возникновению таких синкретичных дисциплин, как этнолингвистика, лингвокультурология, психоллингвистика и т. п. В современных лингвистических исследованиях уже невозможно ограничиваться рассмотрением лишь системы языка. Такой подход сформировался под влиянием антропоцентрических ориентаций языкознания, в соответствии с которыми на первое место выводится человек, а язык считается его конституирующей характеристикой.

Еще в конце XIX в. был проявлен живой интерес к проблеме соотношения языка и культуры, или языка и народа. Основы данного направления были заложены в трудах В. Гумбольдта, Г. Штейнталя, А.А. Потебни, Л. Вайсгербера и других ученых. В частности, Лео Вайсгербер в своих работах подчеркивает социальную природу языка и его творческий, активный характер. Язык, по его мнению, «социальная форма познания», язык обуславливает создание у человека определенных понятий, он представляет собой особый мир, находящийся между субъектом и объектом, между человеком и внешним миром. Словарный состав, грамматика и синтаксис каждого конкретного языка – не просто отображение культуры говорящих на данном языке. Их следует рассматривать как явление культуры лишь постольку, поскольку они способны раскрывать ее понятия, ценности и традиции.

В современном языкознании проблемы взаимоотношения и взаимодействия двух знаково-понятийных систем – языка и культуры – изучает лингвокультурология, возникшая на стыке лингвистики и культурологии (В.Н. Телия, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.). Язык в лингвокультурологии рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации. Будучи одним из признаков нации, язык представляет собой главную

форму выражения и существования национальной культуры. Положение о диалектической взаимосвязи языка и культуры является теоретической базой многих современных исследований, прежде всего лингвокультурологических.

Отношения между языком и культурой можно определить как диалектически противоречивое единство, что проявляется в наличии у них общих онтологических черт, а именно: объективно-субъективной детерминации, связи с деятельностью человека и историей общества.

Существует множество лингвистических трудов, доказывающих неидентичность «членения» действительности в разных языках. Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее. <...> Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа» [1, с. 349]. О том, что языки по своему определяют смысл познаваемого мира, писал и В.А. Богородицкий: «В разных языках слова для сходных понятий нередко представляют различие не только по своему образованию, но вместе с тем и по оттенку, или нюансу мысли, и отсюда может происходить и своеобразие в направлении мысли. Таким образом, различие языков заставляет человечество идти к истине как бы различными путями, освещая ее с разных точек зрения, а это служит залогом наиболее полного достижения истины, а не одностороннего» [2, с. 3]. Известно, что разнообразие языков и культур не является случайным. Ни одна культура, как бы богата она ни была, не в состоянии охватить все многообразие мира. Разнообразие языков и культур может быть представлено как их свойство, обусловленное принципом дополнительности. Лео Вайсгербер, указывая на своеобразие каждого языка, писал: «Если бы у человечества существовал только один язык, то его субъективность раз и навсегда установила бы путь познания объективной действительности. Эту опасность предупреждает множественность языков: множественность языков – это множественность путей реализации человеческого дара речи, она обеспечивает человечеству необходимое многообразие способов видеть мир» [3, с. 21].

Понятие «картина мира» широко используется представителями самых разных наук: философии, психологии, культурологии, когнитологии, лингвистики, гносеологии. Оно относится к числу «фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношение человека с миром, важнейшее условие его существования в мире» [4, с. 11]. В.И. Постовалова определяет картину мира (КМ) как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира и являющийся результатом всей духовной активности человека» [4, с. 21]. Дополнительные определения – «научная», «общенаучная», «историческая», «физическая», «химическая», «языковая» – конкретизируют понятие «картина мира», которое входит в сочетании с уточняющим словом в обиход еще большего количества областей научного знания. Однако, как справедливо отмечал в свое время Ю.Н. Караулов, выражение «картина мира» продолжает оставаться на уровне метафоры. И тем не менее «в принципах классификации и группировки

понятий, в способах установления зависимостей между ними, безусловно, отражается известное представление о внешнем мире, некоторая “картина мира”» [5, с. 267].

Под картиной мира вслед за исследователями человеческого фактора в языке мы будем понимать «целостный, глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, всех его контактов с миром, бытовой, предметно-практической деятельности, созерцания, умопостижения мира» [4, с. 19].

Рассуждения о том, что следует понимать под выражением «языковая картина мира» (ЯКМ), можно найти у Л. Вайсгербера, Э. Косериу, А. Мартине, Б. Уорфа и др.; в разработку проблемы ЯКМ внесли весомый вклад такие российские лингвисты, как Г.А. Брутян, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, С.Е. Яковлева, А.Д. Шмелев и др. (см. обзоры в [4, 6, 7]). «В языке или речи человеческой, – писал еще в свое время И.А. Бодуэн де Куртенэ, – отражаются различные мировоззрения и настроения как отдельных индивидов, так и целых групп человеческих. Поэтому мы вправе считать язык особым знанием, то есть мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [8, с. 18].

Лингвофилософская проблема «языковая картина мира» тесно соотносится с изучением человеческого фактора в языке. В языкознании она впервые была сформулирована в известных трудах В. Гумбольдта. По Гумбольдту, язык есть одно из «человекообразующих начал»: человек становится человеком только через язык, поскольку именно язык формирует мировидение, мировоззрение, при этом не язык вообще, а именно язык конкретного народа. «Различия между языками суть нечто большее, чем просто различия <...> различные языки по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями» [9, с. 370].

Лингвокультурология позволяет продуктивно синтезировать знания о культуре, выражаемые при помощи языка, при этом исследователи подчеркивают антропоцентрический характер данного направления и определяют культуру через личность, коллектив, человеческую деятельность. Человек как языковая личность является связующим звеном между языком и культурой. Познать язык можно лишь обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности.

Поиск смысловых языковых доминант национальной личности предполагает сведение всего многообразия индивидуальных типов к некоторой базовой личности. Национальная личность – это инвариантная, ядерная, общезначимая часть в структуре языковой личности. Национальная личность – это прежде всего совокупность представлений о смысле бытия, целях жизнедеятельности, культурных ценностях и традициях определенной нации. Именно язык позволяет проникнуть в национальное мировидение и мироощущение. Знакомство с языковой картиной мира – необходимое условие представления особенностей национальной культуры, национального менталитета и т. д. «Оно обязательно должно дополняться изучением всего комплекса элементов национальной культуры: истории, фольклора, поэзии, живописи и много другого, включая физическую географию страны» [10, с. 82].

ЯКМ в любом национальном языке формируется на основе двух факторов: внешней среды и человеческого сознания. «Национальный образ мира есть диктат национальной природы в культуре... Естественные национальные языки трактуются как голоса местной природы в человеке» [11, с. 431]. Образы внешнего мира, природы, отраженные в языке, и в частности в паремиях, могут свидетельствовать об исторических передвижениях народов, эксплицировать зашифрованную временем информацию. Например, в татарском языке слово *ил* многозначно. *Ил* – это земля, территория, родина, государство, мир, общество, народ, семья и т. д. В литературном языке и разговорной речи очень много пословиц, поговорок, загадок, песен и вообще разных фразеологических выражений, содержащих слово *ил*. Касаясь значения этого слова, известный татарский ученый, историк и писатель Нурихан Фатах пишет: «В пословице *Ил төкерсә күл булыр, текермәсә чүл булыр* – «Если ил плюнет, то образуется озеро, если не плюнет, то будет пустыня» слово *ил* выступает в роли реки, орошающей землю-пустыню. В поговорке *Ил агымы белән су агымы бер* – «Течение ил и реки одинаковы» или «Содержание ил и реки – одинаковы» слово *ил* отождествляется с водой.

В татарских поговорках и пословицах часто упоминаются термины, характерные для приречной зоны, как-то: озеро, тростник, лодка, рыба, рыбная ловля. Например, *Илле иле белән, жикән куле белән* – «Имеющий ил богат своим илем, тростник – своим озером». В данном случае *ил* ставится в один ряд с озером, и поэтому логично предположить, что *ил* здесь также обозначает воду. Поговорка *Камышны үз кулеңән ал* – «Тростник бери (только) из своего озера» не характерна ни для Монголии, ни для Поволжья или Приуралья. Свое собственное озеро мог иметь только земледелец приречной полосы, где развито ирригационное хозяйство» [12, с. 314].

Автор обращает внимание и на другие странные поговорки, которые никак не соотносятся с природными условиями обитания современных татар: *Жилкәне юк тал каек жылгә каршы баралмас* [13, б. 222] – «Не имеющая паруса ивовая лодка против ветра не сможет идти». Лодки, ладьи, сплетенные из тростника или прутьев, существовали в древности только на юге, где не было подходящего строительного леса.

Как отмечает Н. Фаттах, «среди татарских поговорок и пословиц имеются и такие: *Нөнәрле ком өстеннән көймә йөргезә* – «Мастер своего дела по песку лодку движет (приводит в действие)», *Акыллы карачы кара жирдән каек йөртөр* – «Умный (смышленный) карачи по черной земле лодку движет (приводит в действие)». Известно, что термин *карачы* – «карачи» существовал во времена Казанского ханства. Карачи были высокопоставленными чиновниками в государственном управлении. Однако неизвестно, чтобы в казанском ханстве водили суда по черной земле. Классической страной, где тащили суда по песку или по черной земле, был Египет» [12, с. 315].

В татарском языке существует также фразеологический оборот *кызыл кар яугач* [14, б. 422] – «когда красный снег пойдет». Как известно, в нашей средней полосе с неба «красный снег» не идет. Это может случиться только во время извержения вулкана. Однако только в тех местах, где когда-то обитали как кочевники наши далекие предки, не наблюдалось ни извержения вулканов, ни землетрясений.

В татарском языке активны и такие выражения, как *жир йотар* – «земля проглотит», *жир убыла* – «земля проваливается» или *жир упкан* – «в землю провалился» («земля проглотила»), *жир йотсын* – «пусть (его) земля проглотит!» Подобные выражения могли существовать только у тех народов, кто когда-то сам испытал ужасы природных катаклизмов, кто видел своими глазами и извержения вулканов, и то, как горели леса и горы, как с неба сыпался каменный град вперемешку с красным вулканическим пеплом.

По мнению некоторых исследователей, подобные паремии отражают стершиеся в народной памяти представления об особом укладе жизни предков татар. Сохранились лишь окаменевшие слова и выражения, не всегда понятные современному человеку [12, с. 177].

Человек, живя в определенной материальной среде, часто упускает из виду, что «...пейзаж везде выглядит по-разному. Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая (во многих местах она может быть по преимуществу красная, желтая или черная), и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и расположения на открытом солнце (например, в Австралии местность, покрытая травой, скорее желтоватая или коричневая, чем зеленая» [15, с. 233–234].

О том, что для русского народа безусловной доминантой внешней среды являются большие пространства, писали многие исследователи, например, Н.А. Бердяев: «Широк русский человек, широк, как русская земля, как русские поля. В русском человеке нет узости европейского человека, концентрирующего свою энергию на небольшом пространстве души, нет этой расчетливости, экономии пространства и времени, интенсивности культуры. Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков» [16, с. 280]. Рассуждения о российских пространствах как доминанте внешней среды бытования из сферы общефилософских и культурно-исторических изысканий могут быть переведены в плоскость лингвистического анализа, в область семасиологических исследований. В «Заметках о русском» Д.С. Лихачев отметил неизбежность лингвистических «последствий» влияния широких пространств на национальное сознание, указав, что «оно [это самое пространство] выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках» [17, с. 422]. Примером такого исследования можно считать статью А.Д. Шмелева, в которой дается семантический анализ таких слов, как *воля*, *простор*, *размах*, *удаль* [18, с. 49].

Таким образом, национальный образ мира – это вариант отражения в национальном сознании единой мировой цивилизации, единого исторического процесса. Каждый народ по-своему представляет многообразие мира и по-разному оценивает его. Национальный образ мира определяется географическими и климатическими условиями проживания народа, его образом жизни, родом занятий, ремесел, его традициями и обычаями. Составляющими национального образа мира являются национальные воззрения на мир, национальный склад мышления, то есть национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер, национальную душу, иерархию ценностей.

В наибольшей мере неповторимость национального склада мышления отражается в паремиологических конструкциях (пословицах, поговорках, фразеологизмах, приметах, афоризмах и т. п.), которые признаются одним из наиболее

«культуроносных» пластов языка, так как именно в них отражена память народа, его жизни, мировосприятие, мироощущение, его поэзия и мудрость, искусство меткого слова, нравственно-ценностная интерпретация мира.

Любое описание паремиологических конструкций предполагает изучение формы и содержания, то есть изучение так называемых инвариантов смысла и образных форм, в которых этот смысл кодируется языковым сознанием.

Паремии могут отражать универсальность общечеловеческого жизненного опыта безотносительно к этническим особенностям, но наиболее интересны те из них, которые отражают национально-специфические способы осмысления бытия, житейский опыт народа, неповторимую национальную логику и национальную мирооценку.

В ряде работ предлагаются способы классификации паремий с учетом смысловой и формальной тождественности, в частности, О.А. Корнилов (см. [10, с. 259–260]) предлагает выделять четыре типа идиом¹:

1-й тип: идиомы имеют одинаковый инвариант смысла и одинаковую внутреннюю форму. Например: *Язык без костей, а кости ломает – Тел сөяк сез булса да, сөякне сындара* [13, б. 437]; *Если косить языком, спина не устанет – Тел белән урак урсаң, бил авыртмый* [13, б. 437].

2-й тип: идиомы имеют одинаковый инвариант смысла, но разную внутреннюю форму. Это, например, пословицы, которые имеют семантическую эквивалентность: *Ворон ворону не выклюет глаз – Аюны аю ашамас, бурене буре ашамас* (Медведь не съест медведя, волк не растерзает волка) [13, б. 92]; *Гусь свинье не товарищ – Елан буре гә иш тугел* (Змея с волком не дружит) [14, б. 21].

3-й тип: специфичность метафорического выражения смысла сочетается с неоднозначностью (или вариативностью) самого смыслового инварианта. Например: *Араларында үлгән мәче ята* (Между ними – мертвая кошка) [13, б. 126]; *Теленә шайтан төкергән* (На его язык шайтан плюнул) [14, б. 130]; *Вот где собака зарыта – Юкәдә икән чикләвек* (А орехи-то, оказывается, на липе растут) [13, б. 84].

4-й тип: специфичность (несовпадение) смысла сочетается со специфичностью изобразительных средств, используемых для метафорического оформления этого смысла. Например: *Койрыгыннан ныграк кыссаң куян да шырпы кабызыр* (Если крепче прижмешь хвост, и заяц спичку зажжет) [13, б. 96].

Таким образом, можно говорить о том, что «...знание пословиц и поговорок того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа» [19, с. 6].

Summary

F.F. Gilemshin. On the Problem of Paroemia Interpretation in the Light of Linguistic Worldview.

The article views the notion of “linguistic worldview”, which is connected to studying the role of human factor in the language. The research presents examples of interpreting some

¹ Классификация О.А. Корнилова проиллюстрирована нашими примерами.

paroemic constructions of the Tatar language. These constructions are one of means of explicating the linguistic worldview.

Key words: linguistic worldview, paroemic constructions, metaphorical expressions, interpretation.

Литература

1. Гумбольдт В. Об изучении языков, или план систематической энциклопедии всех языков // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 346–349.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений). – Казань, 1907. – 576 с.
3. Вайсгербер Й.Я. Родной язык в формировании духа. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
4. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.
5. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография // Языковая картина мира. – М.: Наука, 1976. – С. 267.
6. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М., 1997. – Вып. 35. – С. 272–298.
7. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М.: Наука, 1990. – 204 с.
8. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Наука, 1963. – Т. 2. – 363 с.
9. Гумбольдт В. Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – С. 370–381.
10. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М., 1999. – 349 с.
11. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. – М.: Сов. писатель, 1988. – 447 с.
12. Фаттах Н. Язык богов и фараонов. – Казань: Тат. книжн. изд-во, 1999. – 485 с.
13. Татар халык ижаты. Мәкальләр һәм әйтемнәр. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1985. – 592 б.
14. Нәкый Исәнбәт. Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 т. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1990. – Т. 1. – 495 б.; Т. 2. – 366 б.
15. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Рус. словари, 1997. – 416 с.
16. Бердяев Н.А. О власти пространств над русской душой // Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2005. – С. 279–285.
17. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. – Л.: Худож. лит., 1987. – Т. 2. – С. 418–494.
18. Шмелев А.Д. «Широкая» русская душа // Рус. речь. – 1998. – № 1. – С. 31–49.
19. Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях. – М.: Просвещение, 1995. – 349 с.

Поступила в редакцию
12.03.09

Гилемшин Флер Фоатович – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков Института востоковедения Казанского государственного университета.
E-mail: Fler.Gilemshin@ksu.ru